

ДАГНЕ БЕРЖАЙТЕ
(Вильнюс, Литва)

Проблема представления материнства в русской литературе XIX века¹

Аннотация: Бытует мнение, что образам матерей, изображенным русскими писателями, свойственна склонность к самопожертвованию, а материнская любовь представлялась исключительно иконообразной. В данной статье, опираясь на концепцию исторического развития понятия материнства, подобное мнение оспаривается, и в качестве доказательства приводятся примеры из творчества Некрасова, Толстого и Достоевского, которые изображали материнство исходя из принятых в то время представлений о его функциях. Русские писатели, изображая матерей, одновременно намечали те тенденции, которые в освещении проблем материнства, которые будут выдвинуты лишь много лет спустя феминистской критикой.

Ключевые слова: материнство, русская литература, XIX век, Некрасов, Достоевский, Толстой

Не раз приходилось убеждаться, что нежелание учитывать при исследовании того или иного явления элементарный исторический подход, предполагающий изучение вопроса в его возникновении и развитии, приводит не всегда к верным выводам. Это касается как важных, так и менее значительных вопросов. Является ли тема материнства в русской классической литературе актуальной и значимой сегодня,² пусть решает каждый для себя. Но ее освещение как в научной литературе, так и в популярных массовых источниках позволяет выявить неточность, а иногда и ложность

¹ The MotherNet project has received funding from the European Union's Horizon 2020 research and innovation programme under grant agreement No 952366. Проект MotherNet получил финансирование от исследовательской и инновационной программы Horizon 2020 Европейского Союза в соответствии с соглашением о гранте № 952366.

² В связи с политическими событиями весны 2022 г. в обществе не утихают разговоры о роли русских матерей, не препятствующих отправке своих сыновей на войну в Украину, не выступающих против войны в целом. 19 мая в Вильнюсском университете в рамках международного проекта MotherNet (TWINNING programme) состоялась встреча ученых, которые как раз обсуждали этот вопрос. Внимание к междисциплинарным исследованиям в непростые времена, кажется, только усиливается.

некоторых ранее высказанных выводов, или, как часто случается сегодня, склонность к приукрашиванию, умалчиванию неприятного и спорного. Тем более, что тема материнства в русской литературе, кажется, достаточно широко обсуждается на уроках русской литературы. На официальной веб-странице «Банк аргументов ЕГЭ по русскому языку и литературе», помогающей подготовке школьников в сдаче государственного экзамена, предлагаются отдельные тезисы и полное, с точки зрения составителей сайта, собрание аргументов на тему «Материнская любовь». Вот некоторые из тезисов: «Любовь матери не зависит от условий и обстоятельств, она естественна и неотделима от женщины»; «Чувства женщины к детям святы и бескорыстны. Их нельзя симулировать, нельзя купить и продать. Они – основа женской природы»; «Мать любит дитя больше себя и жертвует ради него всем, что имеет» (МАТЕРИНСКАЯ ЛЮБОВЬ: URL). На другом сайте, предназначенном уже и для студентов, пишут, что «Русская литература транслирует читателям идею уважительного отношения к матерям [...]; главной чертой материнских персонажей в русской литературе является их безграничная, безотчётная любовь к своим детям»; «Героини в русской литературе изображены по отношению к своим детям добрыми, милосердными, отзывчивыми. В художественных произведениях раскрывается искренняя любовь матери к своему ребенку, показывается, что именно дети являются смыслом жизни матери. Жизнь ребенка для матери становится важнее собственной» (ОБРАЗ МАТЕРИ: URL). Для доказательства составители сайтов приводят цитаты из творчества Д. Фонвизина, А. Островского, Н. Некрасова. Примеры в разных источниках повторяются, певцом идеального материнства чаще всего называется Некрасов.

Однако среди приведенных в качестве примеров текстов Некрасова («Мороз, расный нос», «Орина, мать солдатская», «Мать», «Рыцарь на час» и др.) отсутствует поэма «Русские женщины», одна из двух героинь которой, княгиня М. И. Волконская, отправляясь вслед за мужем в Сибирь, оставляет дома своего маленького сына. Вот ее слова: «ежели выбор решить я должна/ Меж мужем и сыном – не боле –/ Иду я туда, где я больше нужна...» (НЕКРАСОВ 1971: 334). Героиня жертвует своей материнской привязанностью к сыну во имя более важных для нее идеалов. Ни у кого из современников поэта это не вызывало вопросов. Всем было известно, что жена другого декабриста Н. Муравьева тоже оставила на попечении у родственников троих детей, а декабристка А. Давыдова ради мужа была вынуждена проститься даже с шестью малолетними детьми. И дело здесь не в черствости или в отсутствии святых материнских чувств. Именно такое поведение женщины в семье являлось нормой, так как материнство в XIX веке воспринималось и оценивалось совсем по-другому, нежели принято сейчас. С одной стороны, как указывает А. Белова, «парадоксально [...], что судьба женщины программировалась как репродуктивная (а скорее всего – именно вследствие этого),

материнство не было осознанным индивидуальным женским проектом» (БЕЛОВА 2021: 69); с другой – отнюдь не во всех дворянских семьях возникала эмоциональная близость между матерями и их детьми, так как младенцев сразу спешили отдавать кормилицам.³ Подобная ситуация отчетливо представлена уже в современном романе М. Степновой «Сад» (2020), рассказывающем о жизни в русских поместьях во второй половине XIX века: «Она их не любила никогда. Своих старших детей. Теперь это было совершенно ясно. И они ее не любили – да и за что ее было любить? Родители нужны для почитания. Ее собственная мать, вспыльчивая и рослая красавица, всего однажды взяла ее на руки...» (СТЕПНОВА 2021: 71).⁴

Как отмечает социолог О. Исупова: «Исторически в западной и других культурах в Средние века и тем более раньше материнство отнюдь не было основным предназначением женщины. Главной задачей всей семьи или того или иного человеческого коллектива было элементарное выживание» (ИСУПОВА 2015: URL). «Само понятие материнства исторически постоянно менялось и к тому же очень сильно зависело от культуры» (ИСУПОВА 2021: URL). Это только в XX веке к материнству стали относиться как к очень ответственному проекту, требующему от матери полной самоотдачи, самопожертвования. В связи с чем закрепилось обозначение “интенсивное материнство”, означающее «идеал материнского поведения, который включает в себя семейную и воспитательную стратегию, центром которой является ребенок» (ИСУПОВА 2018: URL).⁵ Материнство, предполагающее интенсивную, сознательную детоцентричность, действительно воспринимается в обществе как нечто заслуживающее поклонения и почитания. Однако в более позднее время сложившееся представление о таком материнстве не должно накладываться на изучение образов матерей в литературе, созданной совсем в других условиях и в другом понимании самого явления. О том, что вопрос материнства, активно анализируемый сегодня целым рядом наук (психологией, философией, социологией, культурологией, медициной, физиологией, антропологией, литературой), в России долгое время не представлялся значимым, свидетельствует и тот факт, что для его обозначения в русском языке

³ Да и «частые смерти детей накладывали свой отпечаток на отношение к ним матерей: у одних боль от их утрат притуплялась» (ПУШКАРЕВА: URL).

⁴ Об особом культе почитания родителей, об их полной власти над детьми, царившей в русских дворянских семьях, в своем исследовании «Дворянская семья: Культура общения. Русское столичное дворянство первой половины XIX века» пишет историк А. Шокарева.

⁵ У истоков того, что ближе всего стоит к пониманию «интенсивного материнства», стоит, по словам Исуповой, Ж.- Ж. Руссо. Но его идеи шире стали распространяться в России не раньше середины XIX века.

имеется лишь одно название,⁶ когда, скажем, в английском есть и motherhood, maternity, mothering, momming, применяемые в разных контекстах и значениях.

Но русская литература и сама никогда не давала повода для распространения мифа о каком-то одинаковом для всех, *святом* типе материнской любви. Русскими писателями XIX века были созданы самые разные образы матерей: от Rachette, всеми самодержавно управлявшей матери Татьяны Лариной, до себялюбивой Марии Дмитриевны Калитиной в «Дворянском гнезде»; от гордой и эгоистичной матери Нелли до добродушной, наивной Анны Андреевны Ихменевой в «Униженных и оскорбленных»; от честной, эмпатичной Пульхерии Александровны Раскольниковой, рассудительной Елизаветы Прокофьевны Епанчиной, властной Варвары Петровны Ставрогиной до карикатурно стремящейся идти в ногу со временем госпожи Хохлаковой; от матери Дмитрия Карамазова, впустившейся в полную эмансипацию беглянки Аделаиды Ивановны, и запуганной, болезненной Софии Ивановны, матери Ивана и Алеши Карамазовых, от трагически запутавшейся Анны Карениной, талантливой, но самолюбивой Аркадиной и непрактичной, легкомысленной Любви Андреевны Раневской до по-настоящему пугающей, жестокой, делящей детей на любимчиков и постылых Арины Петровны Головлевой, настоящего символа всех ужасов крепостнической России. Среди изображенных русскими писателям героинь на самом деле не так много соответствующих тем идеальным матерям, описанным в методических указаниях «как сдать экзамен по русской литературе». Пожалуй, лишь героиня романа Ф. Достоевского «Подросток», Софья Андреевна Долгорукая, как верно заметил П. Е. Фокнин, единственная «устойчиво именуется “мамой”». По мнению исследователя, именно в ней писатель «нашел окончательную формулу материнства» (ФОКИН 2013: 151; 154).

К представлению о *долженствующем* образе матери, *конструкту идеального материнства*, созданному «по решению мужской части властного и врачебного сообщества по улучшению демографической обстановки в стране» (МИЦЮК 2021: 324), безусловно приближаются и образы графини Ростовской из «Войны и мира» и Долли Облонской из «Анны Карениной». Здесь важно то, что двое последних изображены Л. Толстым, последователем идей Руссо, точно знающим, какой должна быть идеальная мать.⁷ Можно предположить, что Толстой свою Анну Каренину к неиз-

⁶ Хотя, как отмечает Н. Пушкарева в статье «Мать и материнство на Руси (X-XVII века)», «само слово “матерство” (материнство) и было известно по источникам с XI в.» (ПУШКАРЕВА: URL).

Как указывает Исупова, Ж.-Ж. Руссо полагал, что «у мужчин и женщин есть отдельные сферы деятельности (публичная сфера – мужская, а приватная – женская) [...]. Главная задача женщины – это материнство, причем материнство интенсивное, то есть связанное с образованием детей, с тем, чтобы вырастить их

бежной гибели подвел не столько из-за ее отношений с Вронским, Карениным, высшим светом и с собой, сколько из-за ее несоответствия, с точки зрения писателя, образу идеальной матери, которая ради своей эгоистической любви к мужчине оказалась способной отказаться от сына. И этот поступок, в свою очередь, лишил ее возможности по-настоящему полюбить дочь Аню. Сам того не желая, Толстой, будучи абсолютным сторонником всего естественного, каким, по его мнению, является материнская любовь, подвел к разговору о том, о чем стали писать лишь в конце XX века – «о социально-конструктивистской природе материнства, опровергающей теорию, согласно которой материнские чувства [...] обусловлены исключительно биологическими факторами» (МИЦЮК 2021: 320⁸). В любом случае Толстой подчеркнул неоднозначность и противоречивость материнских чувств Анны: она не может жить без сына Сережи, рожденного от Каренина, и от рокового решения ее не удерживает даже ожидающая в будущем полная неясность положения, сиротство ее дочери, рожденной от столь любимого Вронского.

Но даже и без этих пропущено слово во многом парадоксальных для самого Толстого, однако значимых для сегодняшних феминистических выводов, коллизия «матери – дети» в русской литературе XIX века была во многом новой, в отличие от темы самостоятельного женского выбора в любви, темы адюльтера. Последние все же были знакомы русским читателям еще с 30-х годов по роману Ж. Санд «Жак», а также по повестям А. Герцена «Кто виноват?», А. Дружинина «Полинька Сакс», по роману Н. Чернышевского «Что делать?» и некоторым другим произведениям. Любовная линия, в основном лидировавшая в русской литературе при изображении женской судьбы, постепенно и не без влияния Толстого стала если не уступать место, то хотя бы освобождать пространство для разговоров о женскости в связи с материнством. До этого все же в русской дворянской литературной традиции, словно предчувствовавшей свой недолгий век, *женская любовная* коллизия превалировала над *женской материнской*. Как в «Письме к амазонке» писала М. Цветаева: «“У любящих не бывает детей“. Да, но они гибнут. Все. Ромео и Джульетта, Тристан и Изольда, Амазонка и Ахиллес. Зигфрид и Брунгильда (эти имеющие быть любовники, разъединенно-соединенные, чье любовное разъединение оборачивается наисовершеннейшим из единений...) и многие, и многие другие... Всех песен, всех времен, всех мест. У них нет времени для

достойными, образованными людьми, которые – если это сыновья – будут совершать великие дела и – если это дочери – будут растить новых великих сыновей» (ИСУПОВА 2021: URL).

⁸Мицюк опирается на хорошо известные в феминистических кругах исследования: А. Rich “*Naître d'une femme: La maternité en tant qu'expérience et institution*” (1980), E. Badinter “*Existe el instinto maternal? Historia del amor maternal*” (1991), N. Chodorow “*The Reproduction of Mothering*” (1999).

будущего, которое есть ребенок, у них нет ребенка, ибо у них нет будущего, у них есть только настоящее – их любовь и смерть, безотлучно стоящая подле. Гибнут они – или гибнет любовь» (ЦВЕТАЕВА: URL). И только роман Горького «Мать», героями которого являются выходцы отнюдь не из дворянской среды, начинает новый разговор на тему женщины-матери.

Среди русских писателей XIX века в изображении разнообразия и противоречивости материнских чувств к Толстому приближается только Достоевский. Возможно, в этом вопросе он даже опережает Толстого. Исследователи не раз прибегали к систематизации различных образов матерей в творчестве Достоевского.⁹ Но Достоевский не был бы Достоевским, если бы ко всему, сказанному о нем, ничего нельзя было бы добавить. Можно было бы, например, оспорить вывод Фокина о том, что полномерно изображать образы матерей писатель стал лишь во второй половине творческого пути. А как тогда быть с образом Марьи Александровны Москалевой из повести «Дядюшкин сон (*Из мордасовских летописей*)» (1859), одного из самых ярких женских образов у Достоевского, героини, в образе которой свои контуры приобрели черты будущего героя-идеолога, настоящего генератора идей и действий? Такого сочетания женщины-матери и дирижера всему и всем больше не встретишь в произведениях Достоевского.¹⁰ Мы все привыкли к тому, что женские образы у этого писателя обречены на вспомогательную роль, нас всех устраивала мысль Г. Гачева о том, что у Достоевского «нет матерей, есть отцы» (ГАЧЕВ 1995: 20). Но в центре первого послекаторжного произведения о Мордасовских нравах оказалась не просто водевильная история сватовства старого князя. Князь здесь служит лишь инструментом, при помощи которого госпожа Москалева, манипулирующая прежде всего своим материнским положением и чувствами, стремится к утверждению в обществе. Собственная выгода, а не интересы дочери, толкают мать на все те интриги, которые лежат в основе сюжета повести.

В этом произведении Достоевский изобразил и всю гамму материнско-дочерних отношений, привлечших серьезное внимание исследователей лишь с появлением феминистических подходов в изучении женских текстов и впервые теоретически обоснованных в уже ставшем классикой ис-

⁹Следующие исследования на интересующий нас вопрос были опубликованы лишь за последние 15 лет: М. Лосева. «Некоторые аспекты материнского и отцовского комплекса в „Преступлении и наказании“» (2008); П. Фокин. «Достоевский. Перепрочтение»; В. Жаркова, О. Токсабаева. «Концепция материнства в творчестве Ф. М. Достоевского» (2015); J. Tucker. “Readings the Sons Through their Mothers in The Brothers Karamazov” (2010); K. Briggs, “Dostoevsky, Women, and the Gospel: Mothers and Daughters in the Later Novels” (2009).

¹⁰ Более подробно об этом нами писалось в статье «К вопросу о театральности, или что начинается в повести Ф. М. Достоевского “Дядюшкин сон”?».

следовании М. Гирш «Материнско-дочерний сюжет. Повествование. Психоанализ. Феминизм» (М. Hirsch. “The Mother / Daughter Plot“ [1989]). Достоевский, оказывается, и в этой области кое-что предсказал и не только в рамках литературы. В глазах Москалевой дочь Зина становится «хорошей» лишь когда жертвует своим личным счастьем (прерывает отношения с возлюбленным Васей) и полностью подчиняется воле более мудрой матери, думающей прежде всего об интересах семьи (Зина соглашается выйти замуж за старого князя).¹¹ Немаловажную роль в конструировании классического материнско-дочернего сюжета играет и фигура третьего – обязательно отсутствующего, устраненного или самоустраивающегося отца. В повести Достоевского мужа Москалевой, Афанасия Матвейча, давно уже сослали в деревню в качестве никчемного, «решительно недостойного принадлежать Марье Александровне» (ДОСТОЕВСКИЙ 1988: 393).

«Дочки-матери» – богатый сюжет у Достоевского. Вспомним «Хозяйку», «Неточку Незванову», не говоря уже о сложных женских историях в «Униженных и оскорбленных». И вся мужская русская литература позапрошлого века, никогда специально не уделявшая внимания изображению всего, связанного с материнством, представила не так мало подобных сюжетов. В этом плане она не сильно уступает последующей женской прозе, вынесшей не всегда светлые и радостные темы с периферии в центр. Русская литература не боялась писать правду. Будем честны хотя бы тогда, когда ее перечитываем.

Литература

- БЕЛОВА 2021 = БЕЛОВА А.В. Интимная жизнь русских дворянок в XVIII – середине XIX века) // Сметая запреты. Очерки русской сексуальной культуры XI-XIX веков. Москва, 2021. 57–198.
- ГАЧЕВ 1995 = ГАЧЕВ Г.Д. Национальные образы мира. Космо-Психо-Логос. Москва, 1995.
- ДОСТОЕВСКИЙ 1988 = ДОСТОЕВСКИЙ Ф.М. Дядюшкин сон (*Из мордасовских летописей*) // Собр. соч. в 15 тт., т.2. Ленинград, 1988. 391–518.
- ИСУПОВА 2015 = ИСУПОВА О.Г. Интенсивное материнство в России // ПостНаука. <https://postnauka.ru/video/38481>
- ИСУПОВА 2018 = ИСУПОВА О.Г. Интенсивное материнство в России: матери, дочери и сыновья в школьном взрослении // Новое литературное обозрение. https://www.nlobooks.ru/magazines/neprikosnovennyi_zapas/119_nz_3_2018/article/19928/

¹¹Социолог А. Шадрина в своей книге «Дорогие дети: Сокращение рождаемости и рост “цены” материнства в XXI веке» (2017) пишет: «Быть “хорошими” друг для друга часто означает для нас предавать самих себя [...]. В некоторых случаях мамыны соображения, продиктованные стремлением быть “хорошей матерью”, противоречат моим взглядам на личное благо» (ШАДРИНА: URL).

- ИСУПОВА 202 = ИСУПОВА О.Г. Интенсивное материнство // ПостНаука. <https://www.youtube.com/watch?v=eYQxTil6Fdc>
- МАТЕРИНСКАЯ ЛЮБОВЬ = Материнская любовь // Банк аргументов ЕГЭ по русскому языку. <https://bank-argumentov.info/materinskaja-ljubov-argumenty-egje/>
- МИЦЮК 2021 = МИЦЮК Н.А. Рационализация сексуальности: медицинский, публицистический и феминистский дискурсы // Сметая запреты. Очерки русской сексуальной культуры XI–XIX веков. Москва, 2021. 310–415.
- НЕКРАСОВ 1971 = НЕКРАСОВ Н.А. Русские женщины // Стихотворения. Поэмы. Москва, 1971. 298–360.
- ОБРАЗ МАТЕРИ = Образ матери в русской литературе // Справочник. https://spravochnick.ru/literatura/russkaya_literatura/obraz_materi_v_russkoy_literature/
- ПУШКАРЕВА 1996 = ПУШКАРЕВА Н. Мать и материнство на Руси (X–XVII века) // Человек в кругу семьи. https://www.booksite.ru/ancient/reader/family_05.htm
- СТЕПНОВА 2021 = СТЕПНОВА М.Л. Сад. Москва, 2013.
- ФОКИН 2013 = ФОКИН П.Е. Достоевский. Перепрочтение. С.-Петербург, 2013.
- ЦВЕТАЕВА 1934 = ЦВЕТАЕВА М.И. Письмо к амазонке // Наследие Марины Цветаевой. https://www.tsvetayeva.com/prose/pr_pismo_k_amazonke
- ШАДРИНА 2017 = ШАДРИНА А. Дорогие дети: Сокращение рождаемости и рост «цены» материнства в XXI веке // LoveRead.Ес. http://loveread.me/read_book.php?id=68613&p=61

Towards the Problem of Motherhood in Russian Literature of the 19th Century. For the objective reasons, Russian masculine literature of the 19th century did not pay attention to maternal subjects, which play an important role in women's prose, especially in the modern one. There is an opinion that the images of mothers depicted by the Russian writers are characterized by a tendency to self-sacrifice, and maternal love seemed to be described as exclusively iconic. This article aims to deny this statement because it's not based on the historical development of the concept of motherhood. The examples from the works of Nekrasov, Tolstoy and Dostoevsky, who portrayed images of mothers, demonstrate that their attitude towards motherhood was based on the understanding of its functions typical to that time. The Russian writers also outlined some trends that would be put forward by feminist criticism in the field of motherhood problems.

Keywords: motherhood, Russian literature, 19th century, Nekrasov, Dostoevsky, Tolstoy